

Страдания юного Вертера

Автор:

Иоганн Гете

Страдания юного Вертера

Иоганн Вольфганг Гёте

Роман в письмах «Страдания юного Вертера» вышел из-под пера великого немецкого поэта и мыслителя Иоганна Вольфганга фон Гёте (нем. Johann Wolfgang von Goethe, 1749 – 1832).***

Пребывая в деревне Вальхейм, Вертер встречает девушку Лотту и влюбляется в нее всем сердцем. Но ему не суждено быть с ней, ведь Лотта уже помолвлена с другим мужчиной...

Мировую славу Гёте принесли произведения «Бог и баядера», «Торквато Тассо», «Ифигения в Тавриде», «Прометей», «Прекрасная Мелузина», «Стихотворения», «Поэзия и правда», «Лесной царь».

Лидер романтического движения «Буря и натиск», Иоганн Вольфганг фон Гёте считается отцом современной немецкой литературы. Его стихотворения переведены на многие языки мира и не теряют своей популярности и по сей день.

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Страдания юного Вертера

Книга первая

Всё, что можно было узнать о происшествии с бедным Вертером, всё это я старательно собрал и предлагаю вам теперь и знаю, что вы мне скажете спасибо за то. Вы не сможете отказать в вашей любви, в вашем уважении его сердцу, его характеру, как не откажете в слезе его участи. Скорбящий, как он скорбел, почерпни утешение в его страданиях, в его борьбах – и пусть будет эта книжечка твоим другом, если по прихоти судьбы или по своей вине не имеешь лучшего.

4 мая

Как я рад, что я уехал! Скажи, мой милый, что же после этого сердце человека? Оставить тебя, которого так люблю, с кем не расставался ещё – и радоваться! Но мне ты простишь: разве все мои прочие связи не были враждебны мне? Они запутали моё сердце. Бедная Элеонора! А можно ли обвинять меня, виноват ли я, что в ней развивалась пагубная страсть, между тем как игривая прелесть ее сестры доставляла мне приятное развлечение? И, однако, совершенно ли безукоризнен я? Не питал я разве ее ощущений? Не я ли восхищался малюткою? Не я ли радовался живым, непритворным проявлениям ее натуры, заставлявшим нас часто смеяться, тогда-как они вовсе не были смешны? Не я ли... Но что же за создание человек, если сам же может обвинять себя во всём!

Обещаю тебе, добрый друг, исправиться. Не буду так часто тревожить себя уккоризнами, как я это делал прежде: буду пользоваться настоящим, а прошлое предоставляю прошедшему. Ты прав: люди были бы менее несчастливы, если б – и зачем они так созданы! – не насильовали своих мрачных мыслей о прошедшем, а лучше были бы менее равнодушны к настоящему.

Будь так добр, скажи матушке, что делом ее займусь как следует и что скоро отдам в нем отчёт. Я говорил с тёткой и вовсе не нашел в ней той злой бабы, какую она слывет у нас. Она просто живая, вспыльчивая, но добрая женщина. Я

объяснил ей сетования матушки за невыделенную часть наследства; она изложила мне свои основания, причины и условия на раздел, даже более для нас выгодный; словом, прошу сказать, что всё будет улажено. И на этом, дружок, небольшом деле убедился я, что вся путаница на белом свете происходит не столько от злобы и коварства, сколько от недоразумений и беспечности; первые встречаются, по крайней мере, гораздо реже.

Вообще, мне здесь очень хорошо. Уединение в этой чудной стороне – драгоценный бальзам для меня, и весна, в весну жизни, согревает всю своей полнотой моё запуганное сердце, Каждый куст, каждое деревцо в цвету – и тонуть бы мне, как тонет майский жук в море благоуханий, и питаться бы мне только ими!

Самый город неприятен, но его окрестности очаровательны. Это побудило покойного графа М* разбить сад на одном из холмов, разнообразно волнующих местность в виду прелестнейших долин. Садик прост, и при входе в него чувствуешь тотчас, что не искусство садовника, а любящее сердце набросало его план. В полуразвалившейся беседке, бывшей любимым местом умершего и ставшей теперь моим уголком, пролил я не одну слезу в его память. Скоро сделаюсь хозяином сада. Садовник мне предан – и вот уже несколько дней к моим услугам. Не ошибётся и он во мне!

10 мая

Чудная весёлость овладела моим сердцем. Её могу сравнить только с майским утром, которым наслаждаюсь теперь. Я одинок и счастлив моим одиночеством в этих местах, как будто нарочно созданных для таких душ, как моя. Я так счастлив, мой друг, так весь погружен в чувство спокойного бытия, что искусство моё от этого страждет. Не могу рисовать, не могу взять карандаша в руки, а между тем никогда не был таким живописцем, как теперь.

Когда над благоуханной долиной стелется нар, над непроницаемой мглой соседнего леса горит солнце и только украдкой иной луч прорывается сквозь чащу, святыню его, а я под голубым сводом, погруженный в высокую траву, дышу прохладой студёного ручья, и вокруг меня копошится в разнообразии несметных трав несметный рой разнообразнейших насекомых и мошек, и весь

этот бесчисленный хор чудных явлений снуется, теснится к моему сердцу – о, тогда невольно сознаёшь присутствие Того, по подобию которого мы созданы! чувствуешь дыхание Его божественной любви! Она парит в вечной радости, поддерживает, питает нас!

Друг мой, в такие минуты глаза мои смыкаются и небо с окружающим его миром, как образ той любви, отражается на глубине моей души. Тогда я стремлюсь и думаю: если б ты мне вдохнуть в полотно, что так согревает, что во всей своей полноте живёт в тебе, чтоб оно было зеркалом твоей души, как она – зеркало бесконечного. В такие минуты, друг, я изнемогаю перед величием окружающих меня явлений!

12 мая

Не знаю, теплота ли фантазии, моей небесной спутницы, или обаяние чарующих гениев обращают пепелище моё в какой-то рай? Этот соседний колодезь, например? Я прикован к нему, как Мелузина с сёстрами. Спускаешься с небольшого холма и стоишь перед сводом, к сеням которого ведут несколько ступеней. Тут, из каменистого утеса, бьёт ключ чистой воды: повыше – невысокая стенка служит оградой; со всех сторон деревья, защита от ветра. Прохлада, журчанье струи – всё это имеет нечто заманчивое, таинственное. Нет дня, чтоб я здесь часу не провёл.

Городские девушки приходят сюда с кружками, для занятия самого простого, самого невинного и, как некогда царские дочери, запасаются здесь водой. Патриархальная жизнь олицетворяется: вот они, праотцы наши; они узнают суженых, знакомятся, сватаются – и благодетельные гении, покровители ключей и источников, осеняют их. Кому это чуждо здесь, тот никогда в знойный час, после долгого странствия, не знал упоений студёного ручья.

13 мая

Ты спрашиваешь, не прислать ли мои книги? Друг, ради Бога, избавь от них! Не нуждаюсь я больше ни в руководствах, ни в возбуждениях. Разве это сердце не бьёт через край! Мне скорее нужна колыбельная песнь, и я нахожу её целиком в моём Гомере: он часто убаюкивает бушующую кровь мою. О, как порывисто, как неровно бьётся оно, это сердце! И тебе ли мне это говорить, любезный мой? Тебе ли, который столько раз бывал грустным свидетелем моих порывов, моих внезапных переходов от глубокой скорби к необузданному веселью, от тихой меланхолии к пагубной страсти? Зато и обращаюсь я с моим сердцем, как с больным ребёнком; нет ему отказу ни в чём.

Не рассказывай об этом: найдутся люди, которые нас не поймут и всё перетолкуют по-своему.

15 мая

Простолюдины Околодка уже знают и любят меня, в особенности их дети. Когда я присоседился к ним, начал расспрашивать о том, о сём, некоторые приняли это за насмешку и мне указали на дверь; я не огорчился и только твёрже сознал, почему они со мной так обошлись: люди известных положений обыкновенно чуждаются так называемого простонародья; а если иной фронт или повеса и побратается с ним иногда, так разве, чтоб только тем больше выказать своё превосходство! Знаю, что мы неровня, что мы не можем, если б и желали, быть равны; а всё же хот, кто для поддержания своего достоинства щетинится перед низшим, тот также, по-моему, жалок, как и трус, бегущий от неприятеля из страха быть побитым.

Недавно встретился я у колодезя с одною из городских служанок. Она только что поставила кувшин с водой на нижнюю ступень и ждала – не подойдёт ли подруга подсобить. Я спустился с лестницы и, посмотрев ей в глаза, спрашиваю: «Не помочь ли?» Она покраснелась: «О, сударь!» – «Без церемонии!» Она приноровилась, а я помог ей поднять сосуд на голову. Поблагодарив меня, она поднялась на лестницу.

17 мая

Я перезнакомился со многими; но общества ещё не нашел. Не понимаю, что люди находят во мне? Многие ищут моего знакомства; их привязанность меня трогает, и мне всегда тяжело, когда вынужден бываю расстаться с ними.

Если спросишь: каковы здесь люди? – я отвечу: как и везде! Род человеческий вообще вещь довольно однообразная. Большую часть времени они употребляют на заработку хлеба, а остальная небольшая доля свободы их так пугает, что они делают всё, чтоб избавиться от неё. О, назначенье человека!

И что за простые, но добрые люди! Ничем не бываю я так доволен, как если мне удастся повеселиться с ними, устроить пирушку, прогулку, пляску или тому подобное. Шутки, беседа самая откровенная, душа на распашку: как эхо всё веселит меня! И если б только меня не тревожила мысль о моих напрасно – ты знаешь их – пропадающих силах... Превозмогаешь себя; скрываешь свои средства; а это щемит сердце. И быть всё-таки непонятым – наша участь!

Ах, зачем было мне знать её, друга моей молодости! Где она? «Слепец, говорю я, ты ищешь невозможного на земле!» Однако я знал её, знал ту великую душу, в союзе с которой я был больше, нежели могу быть теперь, потому что был всем, чем мог только быть. Она была старше меня. Ни одна струна души не оставалась праздною, и то дивное чувство, которым я объемлю всю природу, было раскрыто перед ней. Тихие движения сердца, перлы остроумия, всё, от отчётливой мысли до игривой мечты – на всём была печать гения, и всё ушло на снесь времени! Никогда не забуду я ни ее твёрдости духа, ни ее божественной терпимости!

Несколько дней тому, встретил я молодого О*. Открытая, счастливая наружность и свежие знания – он только что из университета – говорят в его пользу. Не выдавая себя за мудреца, он однако не без претензии, что сведениями богаче других – и частью это так. Заметив, что я хорошо рисую и знаю греческий язык (два феномена здесь), он выказал много литературных познаний, с Батё до Воода и с де-Пиля до Винкельмана, при чём дал заметить, что знает всю первую часть теории Зульцера и владеет манускриптом Гейне об изучении антиков. Ладно! подумал я.

Да ещё познакомился я с славным, прямодушным и сердечным человеком, со здешним городским советником. У него девятеро детей и, говорят, надо видеть его между ними. В особенности превозносят его старшую дочь. Он пригласил

меня к себе – и на днях я отправлюсь к нему. Живёт он, в полутора часах отсюда, на герцогском охотничьем дворе: городская ратуша, видишь ли, где умерла его жена, стала невыносима ему.

Кроме того, встретил я ещё несколько бледных оригиналов. Скучные люди, и что в них несноснее всего, это их уверения в дружбе.

Будь здоров! Письмо будет по тебе: оно историческое.

22 мая

Что жизнь человека только сом, это не мне одному, многим приходило в голову. Когда поймёшь, как тесны границы наших пытливых, деятельных сил, когда увидишь, к чему ведут они – а ведут они к удовлетворению потребностей, которые в свою очередь не имеют другой цели, как продление жизни – когда поймёшь, наконец, что плоды известных наших исследований не более, как пёстрые пятна на стенах нашей арестантской – всё это, Вильгельм, притупляет язык. Уходишь в себя – и находишь целый мир; но и тот более в чаяниях и смутных желаниях, нежели в живой силе и ясных представлениях. Последние смешиваются – и мы, покорные слуги наших грёз, бредём и вкривь и вкось за ними.

Что дети не знают, чего и почему хотят, насчет этого все достопочтенные господа, от гофмейстера до школьного учителя, согласны; но того, что взрослые, подобно детям, плутаются здесь как шальные, и как те не знают откуда, куда, зачем идут, и спешат точно также к обманчивым целям, точно также управляются пирожками, бисквитами и розгами – этого никто не хочет понять, тогда-как для меня всё это ясно как день!

Наперёд с тобой согласен, что счастливее всех те, которые как дети со своими куклами возятся, туалетами их занимаются и почтительно около комода с конфетками похаживают. Дадут им, орут: «Ещё!» – и довольны. Да хорошо еще тем, что своим грошовым занятиям, своим страстишкам громкие названия дают и их на весь крещёный мир важными общественными улучшениями называют. Хорошо слепцам! А кто понял, куда в потёмках метят эти господа, кто смирился и видит в простой доле честного простолюдина больше смысла, а в его саду, в

его огороде, даже в ноше батрака сознаёт вернейшие задатки счастья, тот молчит, уходит в себя, и, зная, что каждому мил свет дневной, счастлив уже тем, что он человеку сочувствует и сознаёт себя человеком. И как бы он ни был ограничен, он носит в своем сердце ничем незаменимый залог свободы, волю бежать, по первому желанью, из своей темницы.

26 мая

Гуляешь, бродишь – и натыкаешься наконец на уголок, который тебя привязывает и становится целью твоих прогулок. Так моя давнишняя, тебе известная привычка приютиться где-нибудь, нашла себе пищу и здесь: это Вальгейм, местечко в часовом расстоянии от города. Оно расположено на холме и сообщается с деревней тропинкой, вьющейся по пригоркам, с которых виды на окрестность очаровательны. Хозяйка маленькой гостиницы, женщина приветливая и для своих лет ещё бойкая, разливает вино, пиво, кофе, но что всего привлекательнее здесь, это две старые липы, раскинувшие свою тень из-за ограды на площадку, перед папертью деревенской церкви. Крестьянские дома, сараи, кладовые окружают и совершенно, так сказать, замыкают этот прелестный дворик; сюда-то выносят мне из гостиницы стул со столом; тут пью мой кофе и читаю моего Гомера.

Когда я в первый раз пришел сюда – это было вчера после полудня – здесь не было почти никого: все были в поле; только мальчик лет четырёх сидел на траве, обняв обеими ручонками другого, лет полутора, усаженного к нему спиной; таким образом, он служил ему как бы креслом; меньшей бойко поглядывал во все стороны, но также сидел спокойно. Мне понравились эта группа, и я расположился поодаль на сохе, чтобы срисовать малюток. Соседние заборы, сараи и несколько поломанных колёс не были забыты – и через час, не прибавив ничего от себя к рисунку, я был доволен им. Это укрепило меня в мысли – держаться вперёд одной натуры: она одна образует великого художника.

В пользу усилий и правил искусства можно сказать столько же, сколько и в пользу приличий общежития. Художник, руководимый правилами, не даст ничего слишком грубого, отвратительного, как из человека, воспитанного в духе законов и общественных требований, не выйдет никогда несносный сосед или злодей на славу; но зато, что бы ни говорили, всякое правило притупляет

чувство естественное и стесняет живые проявления природы.

Говори, что приговор мой слишком резок, что она сама стесняет нас, обрезывая грозди жизни – остаюсь при своём; с нею, как с нашей любовью. Юноша, например, жертвует всем своим временем, состоянием, силами, чтобы по десяти раз на день доказать своей возлюбленной, что он всецело отдаётся ей и что чувство самопожертвования ему выше всего. Приходит господин, занимающий в государственной службе важное место и говорит: «Молодой человек, любить можно, но надо любить по-человечески; распределите ваши дни; утро посвящайте труду, остальные часы отдавайте вашей любезной; составьте смету вашему состоянию, вашим расходам и из остатков делайте ей подарки в ее именины и по большим праздникам. Вот как надо любить!» – Послушается он – им него выйдет цельный молодой человек, дельный чиновник, и я первый готов буду рекомендовать его; но о его любви уже не спрашивайте, а если он художник, не ждите от него образца!

И вы удивляетесь, друзья мои, почему мысль гения, молния ваша, так редко озаряет вас, почему потоки так редко выступают из берегов, чтоб освежать вашу душу? Вон два друга, два приятеля расположилась направо и налево, вдоль реки; их огороды, садики, цветнички так разрослись – и вы хотите, чтоб два счастливца не обеспечили себя громоотводами и плотинами? Да полноте, любезные друзья!

27 мая

Я, кажется, пришел в восторг, знал в метафоры и сравнения, а между тем забыл рассказать тебе, что было дальше с детьми.

Погруженный в художественное созерцание, о котором даст тебе понятие вчерашний рисунок, я просидел на моей сохе часа с два. Вечерело, а дети всё ещё сидели неподвижно. Вот, слышу, молодая женщина издали говорить: «Спасибо тебе, Филипс, ты молодец!» Она подошла ближе и поклонилась мне. Я встал, подошел к ней и спросил: не мать ли она детям? – «Да», – отвечает она; даёт старшему половину булки, подымает младшего и несколько раз горячо целует его. «Да, я поручила Филипсу подержать малютку, а сама со старшим пошла в город, купить им крупы и сахару, да вот эту глиняную посудину.» Всё

это было у ней в корзиночке, которая была без крышки. – «Вечером будет суп Гансу (так называла она младшего); мой пострел, старший, разбил такую же посудину вчера, когда с братом из-за кашицы заспорил». Я спросил ее о старшем сыне, и не успела она сказать, что он в поле гоняет гусей, как он подскочил и подарил брата веткой орешника. Я разговорился с этой женщиной и узнал, что она дочь деревенского учителя, что муж ее уехал в Швейцарию за маленьким наследством, которым родственники хотели его обойти, не отвечая даже на письма. «Не имею известий от него. Если б только с ним несчастья не случилось на дороге!» – прибавила она. Я подарил детям по крейцеру и ей один на кашницу малютке – и мы разошлись.

Друг, когда мне тяжело на душе, подобные сцены убаюкивают меня и мне становится легче при взгляде на создание, покорное тесному кружку своего бытия. Живёт оно изо дня в день, видит, как осенью листья падают, и при этом думает только, что вот мол скоро выпадет и снег.

С той поры я часто там; дети привыкли ко мне; я кормлю их булками и сахаром, когда кофе пью, а по вечерам делюсь с ними простоквашей. В воскресные дни они получают от меня по крейцеру, и в моё отсутствие хозяйка знает, что ей делать. За это они платят мне откровенностью и, когда соберётся много детей, их маленькие страсти, вспышки, ссоры – как это всё занимает меня! Мне стоило труда уверить мать, что дети вовсе меня не беспокоят.

30 мая

Что я намеренно сказал о живописи, то можно сказать и о поэзии: всё дело в умении схватить прекрасное и в отваге его передать. Конечно, это не безделица. У меня была сцена сегодня, которая, если б списать её, составила бы прекрасную идиллию. Но к чему поэмы и идиллии? Неужели нельзя без них? Живое участие в живых явлениях природы, разве оно должно быть всегда взнуздано?

Если после такого предисловия ждешь чего-нибудь особенного, необыкновенного – ошибешься. Я просто заинтересован простым крестьянским парнем. Мой рассказ будет, как я всегда, несколько жиденек и ты, по обыкновению, скажешь, что я преувеличиваю; а что наводит меня на такие

курьезы, это всё тот же, всё тот же Вальгейм!

Общество, которое было как-то не по мне, собралось вчера под тень моих липок пить кофе; я нашел предлог уклониться.

Под вечер приходит из соседнего дома красивый парень и начинает возиться с сохой, известный тебе по моему рисунку. Наружность его мне понравилась. Я разговорился с ним и, как это часто со мной бывает, мы сошлись, пустились в откровенности. Сначала он мне сказал, что служит у вдовы, обращением которой весьма доволен; потом начал говорить о ней в выражениях, из которых нельзя было не заметить, что он ей предан всей душой.

«Она уже немолода, – сказал он, – она была несчастлива с мужем и не хочет снова выходить замуж».

Из его слов и движений было видно, как прекрасна, как привлекательна она в его глазах; как бы желал он, чтоб она взыскала его и тем подала ему повод изгладить тяжелое впечатление, оставленное в ней первым мужем. Пришлось бы повторить всё, слово за слово, чтобы дать верное понятие о привязанности, о любви этого человека; но только талант великого мастера изобразит огонь его движений, гармонию его речи, чудный отблеск его глаз. Никакое слово не выразит нежности, проявлявшейся в его манерах, в звуках его голоса, в его целом, и всё, что я тут нагородил тебе – всё это так бесцветно и вяло и не даст никакого понятия о том, что ещё так живо передо мной. В особенности тронули меня его опасения, чтоб я не подумал дурно об его отношениях к ней, об ее поведении.

С каким жаром, с каким чувством говорил он об ее наружности, об ее особе – говорил о том, как неодолимо он привязан к ней и что эта привязанность не есть увлечение ее прелестями, потому что для них уже отцвела она. В жизни моей не встречал я желаний, вождлений в такой откровенной, первобытной чистоте. Да, в такой чистоте, повторяю, они не являлись, не снились мне никогда – и верь, если скажу, что при одном воспоминании той наивности в его лице, той трогательной правды в его голосе, вся грудь моя горит, что образ этого идеала верности, нежности даже преследует меня, и что сам я, как бы застигнутый тем огнём, томлюсь им и алчу его.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/iogann-gete/stradaniya-yunogo-vertera-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)